

УДК 93/94(093)

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-154-160

М. Л. Бережнова*Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация***Этнографические сведения о русском населении Среднего Прииртышья в начале XVIII в. по данным «Дозорной книги Тарского уезда» 1701 года»¹**

Аннотация. В статье рассмотрены перспективы выделения этнографической информации из «Дозорной книги Тарского уезда» 1701 года при использовании количественных методов. Предложенная методика исследования проиллюстрирована на примере изучения состоятельности населения. Были выделены критерии, позволяющие оценить зажиточность населения, дана характеристика состоятельности населения в рамках одной социальной группы и сравнительный анализ имущественного положения населения вне отдельных категорий населения. Высказана гипотеза, что такой анализ источника позволяет реконструировать иерархические отношения в повседневной жизни изучаемого сообщества. **Ключевые слова:** историческая этнография, русские сибиряки, письменные источники, социальная структура, бедность и богатство.

Дозорную книгу Тарского уезда 1701 г. [1] можно отнести к уникальным источникам по истории Омского Прииртышья. Согласно данным Н. Н. Оглоблина, в Сибирском приказе сохранены только 54 дозорные книги, относящиеся к разным сибирским уездам за период с 1623 по 1710 г. [2, с. 67]. Имеется ряд современных публикаций, посвященных анализу этого документа [3–5]. Это связано с работой над подготовкой публикации полного текста «Дозорной книги...» и составлением комментариев к ней. Текст Дозорной книги является важным источником по этнической истории, антропонимии и топонимии, генеалогии, хозяйству населения Тарского уезда.

Целью данной работы является оценка возможностей применения количественных методов для получения из источника «рассеянной» информации, то есть такой, которая не отражена в тексте прямо.

Сведения о русском населении Тарского района в Дозорной книге распределены по населенным пунктам: город Тара, село и деревни Тарского уезда по реке Оше, деревни и слободы от города вверх по Иртышу, село и деревни вниз по Иртышу, а также крестьяне, которые «за [Спасским в городе Тара] монастырем живут».

Учет русского населения был проведен по дворам. В каждом дворе проживала одна семья, имевшая мужчину-главу. В дозоре описывался только глава семьи по строгой формуле, которая включала в себя фамилию, имя, отчество, место жительства (населенный пункт), чин, оклад; указывалось, кто служит с земли или владеет землей, а также определялись оброки и размер десятинной пашни. В дозор вносились сведения о родственниках мужского пола, живущих в семье: сыновьях, даже если они сами уже несли службу, имели детей и собственное хозяйство, братьях и, изредка, племянниках хозяина. Указывались дворовые люди, если они были.

Описывалось количество скота, имеющегося в семье, земли пашенные, непашенные, залежные, пустоши, скотские выгоны и сенокосы. Обязательным для всех категорий жителей, кроме детей боярских, состоящих на службе, было указание на происхождение и чин отца. Особой частью записи было описание земельных угодий, сенных покосов и указание на основание владения ими. В записях по отдельным семьям или по населенным пунктам, в зависимости от количества вовлеченных лиц, разбирались земельные споры.

В целом запись выглядела так: «Назарко Федоров сын Быков сказал: родом-де он, Назарко, Тарского города казачий сын. У него дети – Федька девяти лет, Андрюшка семи лет, Федька двух лет. Скота – две лошади, рогатого столько же. А оклад ему, Назарке, Великого Государя жалованья денег четыре рубля с четвертью. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые от города наездом по Оше реке полторы десятины в поле, а в двух – по столько же. Да непаханой, залежной, выпаханной земли и лесных мест пятнадцать десятин. В межах та его пашня: Авлейская грива от пашни конного казака Ивашки Носкова и по Чистое болото, да от Федьки Поморцева по болотце и по перелесок, по заимку отставного рейтара Микишки Красноперова, а около той Авлейской гривы кругом обошли болота. Владеет по подписной челобитной и по отводу с 1691 года сына боярского Лукьяна Камюнина. Сенных у него покосов в лугу на семьдесят копен» [1, л. 92 об. – 93].

Для неслужилого населения форма записи отличается. Вот запись о беломестном казаке Биргамацкой слободы, который служил без денежного и хлебного оклада: «Петрушка Володимиров сын Шульгин сказал: родом-де он, Петрушка, с Тары, рейтарский сын. У него дети – Сенька семнадцати лет, Микитка тринадцати лет, Ивашка десяти лет. Скота – лошадь да корова. А пашни у него паханые десятина в поле, а в двух – по столько же. Сенных покосов на пятьдесят копен» [1, л. 231 об.].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-09-42054 «Статика перемен как тренд развития окраин Российской империи в Петровскую эпоху (на примере Тарского Прииртышья)»

Запись о тяглом населении включает указание на десятинную и собинную пашню, а также изменение тягла и причины этого: «По приправочным книгам написан Данилка Иванов сын Кокин. А у переписки сказал: родом-де он, Данилка, с Москвы, тягло отца сын, жил за Великим Государем. В Сибирь прислан в 1665 году. У него дети — Алешка двадцати пяти лет, Матюшка девяти лет, Якушка пяти лет. Скота — две лошади да корова. Пашет Великого Государя десятинную пашню пол десятины в поле, а в двух — по стольку же. А собинной у него пахоты три десятины и полчетверти десятины в поле, а в двух — по стольку же. И сверх указа в пахоте его лишка пол десятины и полчетверти десятины в поле, а в двух — по стольку же. И на ту его лишнюю пахоту прибавлено на него, Данилку с детьми, Великого Государя десятинной пашни к прежней пахоте вновь полчетверти десятины в поле, а в двух — по стольку же. Всего пахать полдесятины и полчетверти десятины в поле, а в двух — по стольку же. Сенных у него покосов на сто копен» [1, л. 236 об. — 237].

В Дозорной книге практически нет сведений о женщинах, их имена упоминаются в редких случаях, когда они выступают в роли собственниц имущества, оставшегося от их отцов и мужей: «Пашни пашет он, Иван, по упросу у падчериц своих, бывшего таможенного подъячего Ивана Коллева дочерей его — Татьяницы, да Лукерьицы за речкой Кривушей десятину в поле, а в двух — по стольку же. Владеют они той землей после отца своего по писцовым книгам и по выписи писца Льва Поскочина 1684 года» [1, л. 13 об. — 14].

В подаваемых сведениях не было указаний на возраст учтенных лиц. Косвенно его можно вычислить, исходя из возраста детей. При этом придется сделать ряд допущений, например считать старшего из переписанных сыновей первым ребенком в семье. Например, в селе Изюком над озером Изюком на горе проживал целый клан детей боярских Чередовых. В записи о сыне боярском Александре Власове сыне Чередове сказано, что у него, Александра, дети: Яков в ротмистрах, Борис, Микита, Афанасий, Алексей, племянники — Иван да Яков, в детях боярских, живут своими дворами. У него же, Александра, сын Михаил, живет с ним, Александром. У Михаила сын Дмитрий десяти лет» [1, л. 293].

Все перечисленные сыновья также были учтены дозором. Старшему из указанных в нем внуков Александра Власова сына Чередова в 1701 г. было 25 лет и он продолжал жить в семье отца. Однако при описании земельных владений Ивана Дмитриева сына Чередова указано следующее: «Владеет (той пашней. — М. Б.) по благословенью деда своего Александра и отца своего Дмитрия Чередовых и по выписи 1697 года» [1, л. 303 об.]. При указании на вновь наложенный на Якова Дмитриева сына Чередова оброк сделана отсылка, что «сколько за владенье ясачными санными покосами наложено вновь Великого Государя денежного оброка, то писано под именем брата его Ивана Дмитриева сына Чередо-

ва» [1, л. 304 об.]. Из этого прямо следует, что Иван и Яков были родными братьями, а владение пашней «по благославлению» отца и деда позволяет думать о том, что записанные племянниками Иван и Яков сыны Дмитриевы могли быть внуками Александра Власова сына Чередова. У них не было детей или как минимум сыновей, значит, они были относительно молоды. То, что в списках детей боярских нет Дмитрия Чередова, наталкивает на мысль, что его к моменту проведения дозора не было в Тарском уезде или, возможно, уже не было в живых.

Дозорная книга содержит ряд примеров, когда сыновья-подростки после смерти отца продолжали жить одной семьей, видимо, вместе с неназванной в дозоре матерью, причем старший из них указывался как хозяин двора. В приведенном случае братья жили отдельно, что может быть косвенным показателем их уже не юношеского возраста и свидетельствовать о том, что они уже вступили в брак. Все это позволяет думать, что Александр Власов сын Чередов имел троих взрослых внуков, одному из которых было 25 лет, а два других могли быть и старше, так как жили своими дворами. Отсюда можно сделать вывод, что самому ему к этому моменту должно быть около 75 лет или даже больше.

Этот пример приведен потому, что генеалогия Чередовых составлена А. А. Крих с учетом других документов [6, схема 2]. Из нее следует, что А. В. Чередову в 1701 г. было 82 года, а его старшим внуком был Иван Дмитриевич, которому в тот момент было уже 30 лет. Это свидетельствует о верности приведенных выше рассуждений.

Если для личностей, оставивших значительный след в истории эти умозаключения являются избыточными, то для реконструкции биографий значительного количества людей, известных по Дозорной книге, других источников не имеется. Следовательно, подобные рассуждения могут быть полезными для изучения демографической ситуации в Тарском Прииртышье начала XVIII в.

Отсутствие массовых сведений о женщинах в материалах Дозорной книги позволяет сделать гипотетическую оценку численности населения в целом, ориентируясь на известную численность мужчин и используя коэффициенты соотношения мужчин к женщинам. А. Д. Колесниковым приведены данные по разным уездам Западной Сибири на 1710 г., которые позволяют высчитать людность дворов (семей) и коэффициенты соотношения полов [7]. Эти коэффициенты значительно различаются по Томскому и Тобольскому уездам. Так, на основании Переписной книги Тобольского уезда переписи тобольского дворянина Алексея Струнина 1710 г. [8] А. Д. Колесников приводит суммированные данные, которые позволяют определить следующие показатели (табл. 1).

Эти коэффициенты А. Д. Колесников объяснял пограничным положением поселений по реке Ишиму, многочисленностью группы служилых, хотя и указывал на крестьянский в целом характер заселения этого района. По его подсчетам, 75% населения

Таблица 1
Людность дворов и соотношение полов в слободах
и деревнях Тобольского уезда в 1710 г.

Населенные пункты	Чи-сло дворов	Душ мужского пола	Душ женского пола	Людность двора	Коэффициент соотношения полов (М к Ж)
Викуловская слобода и 16 деревень	317	773	637	4,45	1,213
Абацкая слобода и 9 деревень	177	473	402	4,94	1,177
Коркина слобода и 17 деревень	247	746	644	5,63	1,158
Усть-Ламенская слобода и 6 деревень	190	447	450	4,72	0,993

Составлено по: [7, с. 31–32].

были представлены крестьянами и бобылями. Данные по Томскому уезду и городу Кузнецку за 1710 г., также приведенные А. Д. Колесниковым [7, с. 37], позволяют получить совсем другие показатели. Людность дворов составляла 6,96 человек в Томском уезде и 7,46 – в г. Кузнецке, а соотношение мужчин и женщин показывало хоть и относительно небольшое, но преобладание женщин (коэффициенты соотношения полов – 0,98 в Томском уезде и 0,96 в Кузнецке). Анализ данных Дозорной книги показывает, что 1133 дворов (семей) распределялись по категориям следующим образом:

ружники – 16,
дети боярские – 50,
служилые (конные казаки, стрельцы, пешие казаки, пушкари и их начальство) – 533,
пашенные крестьяне – 146,
другие категории (подьячие, толмачи, писчики, беломестные казаки, казачьи и стрелецкие дети, отставные служилые люди) – 388.

При подсчете в другие категории были отнесены дворы, хозяева которых не имели ни денежного, ни хлебного оклада за службу, хотя и не обязательно имели оброки.

Дети боярские и служилые люди составляли 51,6% от общего числа дворов Тарского уезда. При этом в Таре, где было сосредоточено 35% дворов уезда, проживало также более половины (52,1%) служилых людей. Число дворов служилых в городе составляло 76,8% от общего числа дворов. Все это позволяет охарактеризовать население Тарского уезда как достаточно военизированное общество, но при этом служилое население было неравномерно распределено по уезду. Исходя из наблюдений А. Д. Колесникова, можно полагать, что коэффициент соотношения мужчин и женщин был больше единицы. Возьмем усредненный коэффициент из приведенных в табл. 1, равный 1,135, и применим его только к одной группе населения – детям боярским.

Всего у детей боярских, верстанных на службу, было 30 дворов в Таре (включая Тарского голову) и 16 дворов в селах и деревнях уезда. Еще 4 двора принадлежали неверстанным детям боярским. В городе во дворах детей боярских проживало 80 человек детей боярских и членов их семей (дети и в ряде случаев братья). В селах и деревнях в семьях детей боярских с детьми и братьями, еще не поверстанными на службу, насчитывался 51 человек. В семьях неверстанных детей боярских всего было 8 душ мужского пола. Всего к детям боярским относились 139 душ мужского пола, включая детей и подростков. Применяв указанный коэффициент, можно оценить общее число людей в семьях детей боярских – 262 души обоого пола, в том числе 123 души женского пола.

Вероятно, к населению слобод Тарского уезда, в которых в основном были сосредоточены пашенные крестьяне, можно применить иной коэффициент, что может быть оправдано для земледельческого населения в относительно давно возникших поселениях с относительно стабильным населением. Например, в Биргамацкой слободе в это время было учтено 76 дворов, в них 196 душ мужского пола. Из них крестьянскими были 48 дворов. Главы 58 дворов (76,3% от общего числа дворов) были местными: 33 родились в самой слободе, 25 указали, что они родом «с Тары». Применяв также усредненный коэффициент, характерный для мест с уже сложившимся населением, получим, что в слободе могло проживать 398 человек, в том числе 202 души женского пола.

Весьма интересными являются наблюдения за социальной структурой общества. Известно, что в Петровское время социальная структура общества находилась в переходном состоянии, а границы социальных групп были подвижны. Особенно это характерно для сибирского общества, где привилегированные группы общества не формировались по наследственному признаку.

Материалы Дозорной книги показывают одномоментный срез тарского общества, но сведения, сообщаемые в связи с решением поземельных тяжб, изредка в связи с совместным проживанием родственников, поверстанных в разные чины, указывают на пестроту социального положения представителей верхушки Тарского общества. Возможно использование для иллюстрации этой мысли отдельных примеров, но подсчеты, выполненные на основании текста Дозорной книги, еще более красноречивы. Так, в записях о детях боярских упоминаются их родственники других социальных категорий: тарский голова, ротмистр, чьи чины и социальный статус так же высоки, как и у детей боярских. Однако 1 сын, 8 братьев и 2 племянников детей боярских служили на момент дозора в конных казаках, трое детей боярских были неверстанными. У одного из детей боярских – Ивана Семенова сына Костылецкого – падчерицы были дочерьми бывшего таможенного подьячего.

В слободе Татмыцкой в списке беломестных казаков, которые были записаны на службе без денеж-

ного и хлебного оклада, значился Алешка Кондратьев сын Неворогов, который сказал, что «родом-де он, Алешка, Тарского города. Был отец его в детях боярских» [1, л. 254 об.]. Согласно дозорной книге, в таком же статусе беломестных казаков в этой же слободе прибывали люди, которые по рождению принадлежали к 15 разным группам (табл. 2).

Таблица 2
Происхождение беломестных казаков
Татмыцкой слободы

Чин родителя	Количество казаков – хозяев двора
Попов сын	1
Боярский сын	1
Атаманский сын	1
Конного казака сын	22
Беломестного казака сын	5
Казачий сын	14
Рейтарский сын	14
Стрелецкий сын	14
Солдатский сын	7
Слободчиков сын	3
Подъяческий сын	1
Тарского города сторожа сын	1
Тяглого отца сын	1
Калмык	1
Отец его калмык	2
Не знает чина отца	1
Всего	90

Составлено по: [1, л. 246 об. – 256].

Таким образом, 27,7% беломестных казаков были выходцами из социально значимых групп служилого населения. Кроме того, в беломестных казаках служили 3 сына и внук местного слободчика – Митьки Степанова сын Шипицына, один из них был пятидесятником беломестных казаков. При этом еще один слободчиков сын – Максимка Дмитриев сын Шипицын – числился в бобылях на денежном оброке. А его сын Пашка Максимов сын Шипицын, беломестный казак, был записан как Татмыцкой слободы слободчиков сын.

Иерархичность общества зависит не только от его социальной структуры, но и от степени бедности и богатства его членов. Применение количественного анализа позволяет характеризовать экономическое положение отдельных граждан и социальных групп, выявляя как межгрупповые, так и внутrigрупповые различия в имущественном положении.

В целом дозор отражает только несколько критериев имущественного положения: денежный оклад, хлебный оклад, наложенный оброк, количество скота, владение землей и сенокосными угодьями. Отражена также «предпринимательская» деятельность, которая также облагалась оброком.

Всего в Дозорной книге учтено 49 детей боярских (включая сюда Тарского голову Василия Козь-

мина сына Заливин и ротмистра Якова Александрова сына Чередова, чьи родственники все служили в детях боярских, и сами они в другое время имели этот чин) с денежным окладом. Разброс денежных окладов был велик: от 16 до 5 рублей. Медианный денежный оклад составлял 8 рублей.

Наибольший денежный оклад в 16 рублей в 1701 г. имел уже упоминавшийся сын боярский Александр Власов сын Чередов, которому, повторим, к моменту дозора было уже 82 года. Все его дети, кроме сыновей Михаила и Бориса, а также и двое внуков входили в группу детей боярских с наибольшими окладами:

Чередов Афанасий Александров сын – денег 15 рублей,

Чередов Яков Александров сын – денег 15 рублей,

Чередов Иван Дмитриев сын – денег 14 рублей,

Чередов Яков Дмитриев сын – денег 14 рублей,

Чередов Алексей Александров – денег 12 рублей с четвертью,

Чередов Микита Александров – денег 10 рублей.

И только сын Борис служил с окладом в 7 рублей. Оклад Михаила, который числился в Дозорной книге сыном боярским, указан не был.

Из всех служивших с окладом Чередовых хлебный оклад получал только Микита сын Александров: хлеба – пять четвертей с осьминой, ржи и овса по полтора четвертика. Это был не исключительно большой денежный оклад, но такой же был положен только еще двум детям боярским, один из которых – Тарский голова.

Оброки Чередовы платили только за владение ясачными санными покосами, а также за мельницу в селе Изюцком (Иван Дмитриевич) и за рыбную ловлю в озере Изюцком (Яков Александрович с братьями и племянниками в компании с большой группой лиц из села Изюцкого, деревень Киселевой и Островной). Обращает на себя внимание, что земли и покосы редко принадлежали только одному члену семьи, чаще владения были общими на 2–3 члена семьи.

Впечатляет количество скота, земель (пахот, залежей, пустошей, скотских выпусков), санных покосов этой семьи. Анализ имущественного положения рода проведен А. А. Крих и опубликован [9, с. 23–45]. Поэтому, не повторяя уже введенных в научный оборот материалов, резюмируем, что в целом род Чередовых к 1701 г. был на вершине своего социального успеха, однако с некоторой тенденцией к закату. Тем не менее их можно оценивать как одних из наиболее богатых людей Тарского Прииртышья того времени, сосредоточивших значительные ресурсы в руках одного рода.

Положение других детей боярских было не таким блестящим. Можно сравнить их имущество с тем, что было записано за Иваном Дмитриевым сыном Чередовым:

– скота: лошадей с жеребятми – 10, скотин рогатых (коровы и бычки) – 10, овец – 5;

– земель: пашен паханных 4 десятины в поле, а в двух – по тому же, непаханой, залежной земли и пустоши 100 десятин;

– сенных покосов на 720 копен.

Ближе всего к Ивану Дмитриевичу (не учитывая других представителей рода Чередовых) по отраженной в Дозорной книге состоятельности сын боярский Иван Васильев сын Свицерской из деревни Коюрлинской. За хлебный полный оклад он служил с пашни при денежном окладе в 7 рублей. Скота у него было 5 лошадей, 5 скотин рогатых, 10 овец. Земли паханой за ним было записано 5 десятин в поле, а в двух – по тому, непаханой и залежной земли, пустошей и лесных мест – 400 десятин. Сенные покосы были учтены только около поля и всего на 100 копен.

Если у какого-то сына боярского был достойный денежный оклад или имелись значительные владения, то это не означает, что по всем указанным критериям он был состоятелен. Значительные владения или стада были у многих детей боярских. Однако более 20 голов скота разных пород имели только восемь хозяев, а наибольшее стадо насчитывало 37 голов. У двух детей боярских были большие земельные владения непаханной землей – 400 и 100 десятин, а сенные покосы на 400 копен и больше имели 9 хозяев.

К бедным, по меркам детей боярских, людям можно отнести Алексея Яковлева сына Логинова из деревни Бутаковой. Он служил с хлебным полным окладом в 5 рублей. Не имел ни пашни, ни покосов. Скота у него было лошадь и две коровы. Однако Алексей Яковлевич был не молод, старшему из проживавших с ним сыновей было уже 30 лет. По имеющимся сведениям невозможно понять, молод или стар был еще один «бедный» сын боярский – Василий Васильев сын Макшеев. Он жил в Таре, служил с хлебным полным окладом в 7 рублей. У него был скот – лошадь и корова. Он не пахал, не имел сенных покосов и детей, которые позволили бы оценить его возраст.

Не более 10 голов скота имелось в 29 дворах, не более 10 десятин земли – в четырех, а 17 детей боярских не пахали совсем. Не имелось сенных покосов в 13 дворах, а сенокосы на 50 копен и меньше были у шести хозяев. Не имели никаких земельных участков, в том числе и сенокосов, 9 хозяев в городе, 2 – в деревнях. Не имели скота, земли и сенокосов два сына боярских, оба жили в Таре. При этом версии, объясняющих такое хозяйственное поведение детей боярских, может быть много: старческий или очень молодой возраст, формирование городского уклада жизни новой модели, перенос хозяйственной деятельности в деревню и т. д.

Сближались, а иногда и превосходили детей боярских по имущественному положению некоторые служилые люди. Так, пятидесятник черкасской сотни Мишка Микитин сын Зубов за хлебный полный оклад служил с пашни с денежным окладом в 9 рублей с четвертью. Он же имел более 30 голов скота, пахал 3 десятины в поле, а в двух по тому же,

имел 50 десятин поросшей лесом земли, пустошей и болотных мест. Сенных покосов у него было на 300 копен. В то же время пятидесятник конных казаков Андрюшка Григорьев сын Сумин при денежном окладе в 7 рублей с половиной пашни не пахал, имел лошадь и корову, а покосов у него было в казачьем лугу на 40 копен.

Ряд этих примеров можно продолжать. В одних хозяйствах имелись большие стада. Например, у пушкаря Ивашки Харитонов сын Каргина было почти 70 голов скота. В других хозяйствах были большие сенные покосы. Например, у отставного конного казака Сеньки Мартынова сына Старчикова сенных покосов было на 400 копен. У кого-то была земля: например, у стрельцов села Изюцкого записано непаханой земли по 20–30 десятин.

В целом группа детей боярских, если отбросить крайние проявления состоятельности, превосходила близкую к ней группу конных казаков, а та, в свою очередь, стрельцов и пушкарей. Но не всегда состоятельность хозяйств была прямо связана с социальным статусом хозяев, что вполне укладывается в представления о подвижной социальной структуре общества, продвижении по службе глав одних семей и понижении статуса других.

Методики качественного анализа социального и имущественного неравенства давно разработаны экономистами и социологами и адаптированы для исторических исследований [см., напр.: 10, с. 29–39]. Эти исследования, особенно с учетом возможностей компьютерных технологий, активно развиваются в наши дни [11]. Ретроспективно можно с большой долей условности выделить несколько этапов использования документов учета населения в исторических источниках. Относительно ранний, характерный для середины XX в., подход заключался в суммировании данных массовых источников и их анализ в рамках принятой методологии [см., напр., 7]. Это давало новый по своему времени результат, но отчетливым был крен в сторону социально-экономической истории. Такую методику использовали и при анализе вопросов, органично связанных с этнографией.

Антропологический поворот начала 1990-х гг. в отечественной гуманитаристике привел к большому интересу к человеку, его истории, генеалогии. Материалы учета населения стали разбираться на отдельные «истории» [см., напр., 9]. Это потребовало последовательного изучения разновременных документов, суммирование данных которых позволяло воссоздать биографии и генеалогии людей разных социальных групп, но прежде всего – оставивших след в истории.

Между тем из социологии в историю стали просачиваться методы анализа массового материала с применением статистических методов. Использование коэффициентов неравенства позволяет определить степень концентрации и равномерности распределения разных благ в обществе [10, с. 31–37]. Однако для вычисления этих коэффициентов по любой из известных методик (Джини, Лоренца, Шютца

Таблица 3

Формализованная в табличной форме подворная запись Дозорной книги Тарского уезда 1710 г.

1	2	3	4	5	6
Кузнецов Оська Осипов сын	Конный казак	Родом-де он, Оська, Тарско- го города казачий сын	По указу Ве- ликого Госуда- ря служить ему, Оське, за пахоту его за хлебный полный оклад с пашни	Денег 7 рублей с четвертью Хлеб – три четверти с ось- миной Рожь – полтора четверика Овес – две четверти с по- луосьминой и полтора чет- верика	С пахоты платит в казну Вели- кого Госуда- ря выдель- ной хлеб де- сятый сноп
Сын: Васька, 12	Лошадь 2 Корова 1	Пашни у него паханные от города наездом две деся- тины в поле, а в двух – по стольку же Залежной, выпаханной зем- ли и пустоши двадцать де- сятин	Сенных покосов около поля на пятьдесят копен	Владеет пашнями по об- щей данной с сыном бояр- ским Иваном Евгаштиным с 1698 года	

Составлено по: [1, л. 23].

и др.) необходимо предварительно подготовить базу данных по специальным правилам. Эта же база может быть использована при математической обработке демографических данных.

Первым этапом работы является формализация и организация данных, содержащихся в каждой подворной записи. Для этого разработана и сейчас заполняется табличная форма, последовательно включающая основные пункты переписной формы: имя, фамилию, отчество, чин, условия службы (служит с хлебным полным окладом; за хлебный полный оклад служит с пашни), денежный и хлебный оклады, оброки, происхождение и чин родителя, дети и другие родственники, упомянутые в Дозорной книге, дворовые люди, скот, пашни и непаханные земли разного типа, сенные покосы, условия владения землей: по каким документам и с какого времени (табл. 3).

Подготовка базы данных для проведения анализа математическими методами по разным основаниям (сословие – состоятельность, сословие – происхождение, сословие – детность, происхождение – детность, детность – состоятельность, сословие – размер поселения и другим), как нам кажется, поможет получить больше информации из изучаемого источника, выявить те элементы информации, которые раньше могли ускользнуть от исследователя. Возможно выделение группы зажиточного населения, которая, исходя из накопленных наблюдений, может не укладываться в рамки одной социальной группы.

Конечно, сверхзадачей изучения исторического источника является получение разнообразных сведений о жизни отдельных людей, семей, поселений, социальных и этнических групп, чтобы появилась возможность представить и описать ту жизнь, что протекала когда-то в относительно узком локусе Западной Сибири, по возможности реконструировать взаимоотношения жителей Тарского уезда, развернуть из текста сухого документа живую картину народной жизни.

M. L. Berezhnova

Ethnographic data about Russian population of the Middle Irtysh in the early XVIII century based on «Inventory revision book of the Tara uezd (parish) of 1701»

Annotation. The paper deals with the prospects of highlighting ethnographic information out of «Inventory revision book of the Tara uezd (parish) of 1701» with the help of quantitative method. The methodology suggested in the scientific research was employed in the studying of the wealth of the population. In the research the criteria of evaluating the wealth of the population were worked out, the characteristics of the wealth of the population in one social group was given and the comparative analysis of the material position of the population was conducted without taking into consideration various categories of the population. The following hypothesis was introduced: such source analysis allows to reconstruct hierarchical relationships of the daily life of the society studied. **Keywords:** Historical ethnography, Russian Siberians, written sources, social structure, richness and poverty.

Источники и литература

1. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. 425 л.
2. Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768): в 3 т. Москва, 1895. Т. 1. VIII + 421 с.
3. Бережнова М. Л., Кабакова Н. В., Корусенко С. Н. Дозорная книга Тарского уезда 1701 г.: к вопросу о причинах составления и содержании // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2014. № 1 (1). С. 62–69.
4. Бережнова М. Л., Кабакова Н. В., Корусенко С. Н. Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. как источник по этнографии народов Тарского Прииртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 111–116.
5. Кабакова Н. В., Корусенко С. Н. Сибирские делопроизводительные картографические источники рубежа XVII–XVIII вв.: феномен «узнавания» новых пространств империи // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4 (47). С. 165–171. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-47-4-13>.

6. Крих А. А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). Омск: Изд. дом «Наука», 2012. 296 с.
7. Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX века. Омск: Зап.-Сиб.кн. изд-во, 1973. 440 с.
8. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д.1493. Л. 1–219.
9. Крих А. А. Русское население Тарского Прииртышья: историко-генеалогические очерки (XVII – начало XX века). Омск: Изд. дом «Наука», 2016. 263 с.
10. Миронов Б. Н. История в цифрах: математика в исторических исследованиях. Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1991. 165 с.
11. Гарскова И. М. Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. Санкт-Петербург: Алетейя, 2018. 408 с.

УДК 394

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-160-171

Т. Н. Золотова*Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, г. Омск, Российская Федерация***Современная праздничная культура России: сохранение русских традиций, конструирование новых символов и смыслов¹**

Аннотация. Статья посвящена выявлению русских этнических традиций и символов, которые сохраняются в праздничном календаре современной России. Наибольшее внимание уделено Рождеству, Крещению, Дню России и Дню народного единства. Делаются выводы о сохранении, возрождении и трансформации в общественной жизни отдельных праздничных обычаев, смысловом сближении понятий «русский» и «православный», закреплении в общественном сознании и социокультурной практике новых общественно-политических праздников благодаря их хронологическому наложению на традиционный праздничный календарь и деятельности учреждений культуры, обусловленной потребностями государства в усилении идеологической составляющей праздников и укреплении идеи единства нации. На популярность и массовость праздников оказывает влияние фактор распространения современных форм коммуникации – телевидения и Интернета с разнообразным контентом и социальными сетями, формирующими в социуме своеобразную «моду» на следование тем или иным обычаям. Усиление потребительской психологии, игнорирование культурных традиций ведут к функциональному дисбалансу в празднично-обрядовой сфере, поэтому необходимо бережно относиться к историко-культурному наследию и конструированию новых образов и смыслов. **Ключевые слова:** Россия, праздники, современная культура, русские традиции, символы, конструирование смыслов, общественное сознание, социокультурная практика.

Современная праздничная культура России характеризуется высокой степенью синкретизма, проявляющегося в одновременности обрядовых элементов, разнообразии форм, символов и смыслов. Перегруженность общественного календаря обилием праздничных мероприятий объясняется сложной дифференциацией российского общества, разнообразием лежащих в ее основании культурных предпосылок, ценностных ориентаций, особенностей российской истории и современного социально-экономического и социально-политического развития. Праздник как важнейшая форма человеческой культуры обладает многими функциями, в числе которых функции социализации и самоидентификации. Сегодня, в эпоху мультикультурализма и постмодернизма, как никогда остро встает вопрос самоопределения и самовыражения личности. Именно посредством приобщения к национальной и этнической культуре, прежде всего к празднично-обрядовой, человек обретает гражданскую и этнокультурную идентичность,

что позволяет ему лучше социализироваться и обрести свое место в сложной структуре современного мира. В то же время праздничная культура, являясь квинтэссенцией культурного состояния российского общества, становится полем проявления старых и конструирования новых символов и смыслов. Цель нашего исследования – выявить, какие из русских этнических традиций и символов сохраняются в наиболее значимых общественных праздниках, появившихся на постсоветском пространстве современной России, каким образом и с какой целью конструируются новые смыслы и появляются новые символы. Источником для нашего исследования явились материалы личных наблюдений автора за последние 30 лет, результаты опросов, материалы средств массовой информации.

Советский период российской истории оставил достаточно простую и лаконичную систему праздников. На 1980 г. «красные дни календаря», которые были нерабочими днями, выглядели следующим образом: Новый год (1 января), Международный женский день (8 марта), Международный день солидарности трудящихся (1, 2 мая), День Победы (9 мая), День Конституции (7 октября) и годовщи-

¹ Публикация подготовлена с использованием материалов гранта РГНФ, проект № 16-41-93583 «Традиционный праздничный календарь восточнославянского населения Зауралья и Западной Сибири».